

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Всяla vie

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не всяla vie

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

Дневник мамы первоклассника

Падшая женщина

Домик на юге

Падшая женщина

Осторожно - дети! Инструкция по применению

Собирайся, мы уезжаем

Соня и Александра

Плюс один стул

Чужой ребенок

МАША
ТРАУБ
Чужой ребенок

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т 65

Художественное оформление серии *С. Груздева*

В оформлении переплета использована иллюстрация
Алексея Дурасова

Ранее роман издавался под названием «Чужой»

Трауб, Маша.

Т 65 Чужой ребенок: [роман] / Маша Трауб. — Москва :
Эксмо, 2015. — 320 с. — (Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-77779-2

Чужих детей не бывает. Ни на улице, ни в детской песочнице, ни на горке. Если с велосипеда падает чужой, не твой, ребенок, то все равно будет больно. Можно ли полюбить чужого ребенка как своего? Нужно. Тогда эта любовь вернется.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77779-2

© Трауб М., 2015
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2015

Скандалы, бесконечные скандалы. Лариса уже забыла, когда нормально разговаривала с сыном. Все на крике. Когда он был маленький и только начинал ходить, Лариса как-то пожаловалась Даше — вынужденной подруге по детской площадке:

— Вот исполнится два года, отлуплю.

— Почему в два года? — перепугалась Даша.

— После двух лет можно, — сказала Лариса.

Даша подхватила ведерки, совочки и убежала. Лариса тогда подумала, что она одна такая — жестокая. Неправильная. Надо быть доброй, разумной и терпеливой. А она? У нее прямо руки иногда чесались — дать хорошенько Даньке по заднице, чтобы замолчал.

Он рос сложным ребенком — орал без конца. Устраивал истерики. Делал назло. При этом не вылезал из болезней. Бронхит, энурез, панкреатит, загибы, перегибы, отиты, гаймориты, нарушение сна... Лариса так привыкла, что уже не пугалась. Врачи, таблетки. Много таблеток.

Доктора ее хвалили — очень дисциплинированная мама. Что говорят — все делает и не пристаёт с вопросами: «А что, а почему, а точно?»

— Сходи еще куда-нибудь. Перепроверь. А вдруг ошиблись? — пугалась Даша, когда она рассказывала про очередной диагноз, поставленный сыну. Даша впадала в панику даже из-за соплей дочки. А когда делали прививки, чуть в обморок не падала. Даша смотрела на Ларису с ужасом и восхищением.

— Я ничего в этом не понимаю, я же не врач, — говорила Лариса и покупала очередной пакет лекарств.

— Но это же свое, родное. Так страшно! А вдруг чего? Лекарства же вредны... в таких количествах, — лепетала Даша.

— Ничего, вырастет, все вырастают. Вспомни, как мы росли, — говорила Лариса.

Как она ненавидела эти прогулки! Однако гуляла по часам — два раза в день. Дашу она просто видеть не могла. Но деваться было некуда — загаженная лесополоса из пяти деревьев, песочница, пропахшая собачьей мочой, скрипящие в истерике качели, ржавая железная горка-убийца. Даша просто заходилась, когда ее Ритуля залезала на эту горку.

Чужой ребенок

— Спусти ее, а я снизу подхвачу, — подскакивала Даша и кидалась к горке.

Лариса спускала Ритулю, Даша с криками: «Бу-бух, ух, поймала мою деточку» — подхватывала дочку. Ларису тошнило от этих материнских причитаний: «Бо-бо, где бо-бо поцелу-поцелу, у кошки заболи, у мышки заболи, а у Риточки пройди», «Фу, кака, фу, Ритуля».

— Даш, она же не собака, зачем ты ей «фу» говоришь? Не можешь нормально сказать? — злилась Лариса.

— Так она же маленькая, — не понимала Даша. — Данюсик, иди кач-кач.

Ларисе с Дашей было удобно. Она со своей зашкаливавшей материнской любовью играла и с Данькой — качала его на качелях, лепила куличики, кружила. Брала его на руки и подбрасывала. Ловила и опять подбрасывала, Данька счастливо хохотал и просил еще. Подбегала Ритуля и тоже просилась «полетать». Даша подбрасывала дочку. Данька начинал рыдать.

— Ларис, поиграй с ним, — говорила Даша, — он же плачет.

— Поплачет и перестанет. Я не могу. У меня спина болит, — отвечала Лариса.

Маша Трауб

Она сидела на лавочке и курила. Нет, она пробовала — и играть, и сюсюкать. Но не получалось. Как будто слышала и видела себя со стороны — бред какой-то.

— Ну что ты его все время дергаешь? — иногда вступалась за Даньку Даша. — Знаешь, я тут читала в одном журнале, что мальчиков нужно даже больше целовать, чем девочек. Тогда у них в будущем не будет комплексов с девочками. Ну, ты понимаешь.

— Он должен знать, что в жизни может рассчитывать только на себя! — отрезала Лариса.

— Знаешь, я не могу как ты. Я тоже иногда так устаю, когда Ритуля капризничает. А вчера, представляешь? — Даша округлила и без того круглые пустые глаза. — Шлепнула ее по попе. Я ей говорю: не тяни в рот, грязное, а она тянет. Я рассердилась. Так мы вместе потом плакали. Я себя такой виноватой чувствовала. Даже уснуть не могла. Она же маленькая, не понимает, не виновата. А я ее отшлепала.

— Да ладно, Даш, не переживай. Мне врач одна сказала, что с детьми надо как с цирковыми животными. Сделал сальто — получил кусок мяса, не сделал — наказан.

— Господи, как ты можешь сравнивать? — Даша от ужаса открыла рот.

Чужой ребенок

— А то ты не так делаешь? «Ритусик, собери игрушечки, я тебе конфетку дам», — передразнила Лариса Дашу.

— Это другое, — обиделась та.

Лариса Даньку не била. Она хватала его за руку и сильно сжимала. Так сильно, что на ручке белели следы от ее пальцев. Данька замолкал не от боли, а от страха. Нет, однажды она его отлупила. По попе. Почему-то она считала, что давать подзатыльники — нельзя. А по попе — можно. Надавала и надавала. А вечером, в ванной, от горячей воды проступили следы. Лариса испугалась — завтра к врачу идти, а вдруг не пройдет? И опять испугалась. Она не думала о сыне, ей не было его жалко, думала о себе: а вдруг врач заметит следы и решит, что Лариса — плохая мать? И Даня был такой притихший — быстро уснул, вцепившись в плюшевого медведя. Она заглянула к нему — нос сына упирался в черную пуговицу медвежьего носа. Данька подвсхлипывал во сне. Как будто рассказывал медведю про то, как мама его обидела, да так и заснул.

Все говорили, что Даня — общительный. Он тянулся ко всем — детям, взрослым. Цеплялся за чужую коляску и шел. Подходил к чужим мамам и улыбался. Мамы улыбались в ответ и

говорили: «Какой обаятельный малыш». Ларису в эти моменты трясло. Ей казалось, что Данька ищет себе другую маму, хорошую, добрую и терпеливую.

— Но вы же его знаете, почувствуете, если что, — говорила ей врач во время очередного визита. Лариса знала Даню, но не чувствовала его. При всем желании не могла. Она бы много отдала за то, чтобы узнать, что такое, когда сердце обрывается. И видишь по глазам — ребенок заболел. И знаешь даже, как у него что-то болит. Потому что у тебя тоже болит. Только сильнее. Вот у Даши это было.

Когда Ритуля свалилась с горки и прорезавшимися зубиками прокусила себе губу, Лариса, глядя на подругу, поняла — вот оно. То самое чувство.

С Ритулей все было в порядке, ничего страшного, только крови много. Даша тогда стояла над дочкой на коленях и качалась, как юродивая. И закрывала руками рот, как будто у нее он тоже был в крови. А Лариса спокойно сгребла Ритулю в охапку, донесла до дома, умыла, прижгла перекисью, хотя та и орала как резаная. Дашка сидела в прихожей на стульчике и продолжала раскачиваться.

Чужой ребенок

— Надо мочой, чтобы следов не было. Девочка все-таки, — сказала Лариса подруге.

— Чьей мочой? — спросила Дашка как полоумная.

— Не твоей же...

Про Даню вообще все забыли — он все это время сидел в комнате, плакал и тянул за веревочку игрушку. У него была такая музыкальная собачка: потянешь за косточку — и играет музыка.

— Спасибо тебе, — говорила Дашка Ларисе.

— Не за что.

Ларисе не было жалко Ритулю, она не хотела помогать. Она хотела, чтобы все замолчали. Заткнулись. И Ритуля, и Дашка, и Данька, и его долбаная собачка.

— Бедненький Данюсик испугался, ничего, ничего, детки, — причитала Дашка.

Лариса тогда не сказала, что сын плакал от страха за то, что сделал, — она видела, как Данька толкнул с горки Ритулю. Не случайно, а специально. Ритуля скатилась два раза, а он — один. Вот он и толкнул девочку, зная, что нельзя. Что Ритуле будет больно.

За то время, что они гуляли вместе, Лариса все узнала про Дашу — как училась, как замуж

вышла, как мороженое ела во время беременности и теперь его видеть не может, как Ритуля родилась, как шкаф новый купили, как свекровь придирается, а муж молчит... Обычные бабские горести и радости. Ларисе было неинтересно и противно. С кем приходится общаться? С этой тупой, еще молодой девицей, которая может переживать из-за того, что не она, а свекровь сварила борщ. Дашка спрашивала Ларису о ее семье, но Лариса уходила от ответа. Интересовалась подробностями покупки шкафа и скандала со свекровью. Дашка с радостью переключалась. Но потом вспоминала, что хотела сказать:

— Вот ведь как бывает, Данюсик на тебя ну совсем не похож, а Ритуля — мамина доча. Да, Ритуля?

Лариса считала, что Даша слишком глупая, чтобы быть неискренней, поэтому не обижалась. При этом Лариса удивлялась, как недалекость подружки сочетается с тактом — Даша никогда не спрашивала про отца Дани. «Наверное, решила, что он меня бросил беременную», — думала Лариса.

— А говорят, — продолжала Даша, — что мальчики похожи на бабушку со стороны мамы, а девочки — на бабушку со стороны отца.

Чужой ребенок

Или наоборот, я точно не помню. Только я все равно в это не верю. Ритуля на мою свекровь совсем не похожа. Вот вообще ничего общего.

Лариса промолчала. Она видела свекровь Даши — они шли из магазина. Ритуля шла немного косолапая, так же как бабушка, и хмурилась так же.

— А Данюсик в кого пошел? — не унималась Даша.

— Не знаю. Скорее всего в дедушку.

Даша задумалась, но уточнять не стала — в какого именно дедушку? Лариса никогда ни про какого дедушку не рассказывала.

— А бывает так, — вытаращив глаза, говорила Даша, — что ребенок ну вообще ни на кого не похож.

— Бывает, — согласилась Лариса.

— Вот ведь беда, — сокрушалась Даша.

— Почему?

— Так ведь кто поверит, что ребенок родной? Все ж будут думать, что чужой.

— Ой, Даш, ты слышишь звон, а не знаешь, где он.

— Какой звон? При чем тут звон? Звонок, что ли? Телефон?

Даша лезла в сумку, Лариса закуривала сигарету.

Маша Трауб

* * *

Данька рос. Лариса водила его по секциям — художественная школа, музыкалка, плавание. Каждое утро выкладывала на тарелочку витамины — чтобы рос, чтобы не болел. Заставляла заниматься. Читать, считать, рисовать, развивать логику. Каждый день. Данька начинал кричать заранее. Но Лариса была непробиваема — заниматься. Потому что надо. Все говорили, что она — замечательная мать. Ребенок интересующийся, но... несдержанный. Малейший раздражитель, и Даня начинал кричать и драться. С ним никто не мог справиться — ни учителя, ни тренеры, ни воспитатели. Только Лариса. Просто потому, что он ее боялся.

Когда Лариса приходила его забирать с плаванья пораньше, Даня все время косился в ее сторону. Другие дети кричали: «Мама, смотри, как я могу, видела?» Мамы или папы кричали в ответ: «Отлично, чемпион!» Дети ошалело улыбались. А Лариса сидела, уткнувшись в книгу, и ждала, когда закончатся занятия. На сына не смотрела. Даня и не просил посмотреть. Иногда они сталкивались взглядами, и сын замирал — видела она или нет, как он прыгнул с бортика? Но Лариса только перелистывала страницу.

Все думали, что она просто спокойная, уравновешенная женщина, которую ничто не может вывести из себя. Никто не замечал, что она была все время «в низком старте», в постоянном напряжении. Боялась, что сын что-нибудь «выкинет». Точнее, знала, что он «выкинет», и просто ждала момента.

Была тренировка по плаванию. Лариса читала, но в какой-то момент стала смотреть на дорожку. Она знала: что-то должно случиться. Слишком спокойно Даня вел себя в последнее время. У нее были свои приметы — хорошо долго не бывает. Надо ждать плохого. Много смеяться — к слезам.

Даню обогнала девочка — Таня — и первой коснулась бортика. Даня в воде толкнул Таню — она влипла в бортик. Рассекла бровь. Лариса сидела в ступоре. Подбежали бабушка Тани, тренер, еще один тренер. Девочку вытащили из бассейна, завернули в полотенце, побежали за аптечкой, звонить в «Скорую», звать уборщицу — на кафель с Тани лилась кровавая вода. Даня сидел в воде. Другие дети вылезли и толпились вокруг Тани. Только один Даня остался в бассейне. Он замерз без движения — губы посинели.